

ПИСЬМО ТОЛСТОГО М. О. МЕНЬШИКОВУ

Публикация Н. Гусева

21 августа 1908 г., лежа в постели, тяжело больной Лев Николаевич продиктовал мне запись в дневник, которая заканчивалась словами:

«Написал письмо М. и не раскаиваюсь».

Упоминаемый здесь «М.» — это известный в то время журналист, постоянный сотрудник «Нового Времени», М. О. Меньшиков. В 90-х годах он выступал сторонником и пропагандистом толстовских идей в журнале «Неделя» (хотя Толстой, как однажды он при мне ответил на вопрос С. И. Танеева, «никогда не считал его близким человеком»). С 900-х годов, перейдя в «Новое Время», Меньшиков занял иную позицию, соответствовавшую направлению этой газеты, а в 1908 г. выступал в той же газете уже, как ярый противник общественно-политических взглядов Толстого.

Знаменитая статья Толстого «Не могу молчать», написанная против казней революционеров правительством Николая II и Столыпина и опубликованная в русских газетах в неполном виде (по цензурным условиям) 3 июля 1908 г., вызвала со стороны Меньшикова статью «Лев Толстой, как журналист», в которой он писал: «Не могу молчать» — просто слабо написанная, не волнующая, не убедительная статья... Самый плохой сорт писаний великого беллетриста — его газетная публицистика. Тут он почти никогда не выше посредственности, часто ниже ее. О таланте Толстого в этой области не может быть и речи. По раздраженному тону, по анархизму банальных идей, по партийной озлобленности, по ожесточенной ненависти к «правительству» и «попам», Лев Толстой падает иногда до какого-нибудь плебея мысли... В истории литературы, в истории просвещения будет известен романист Лев Толстой. О том же, что он писал, кроме беллетристики, религиозные, философские, политические статьи, будут знать разве лишь академики из усидчивых крохоборов» («Новое Время», 11 июля 1908 г.).

10 августа 1908 г. в «Новом Времени» появилась другая статья Меньшикова против Толстого, озаглавленная «Толстой и власть». Здесь Меньшиков писал:

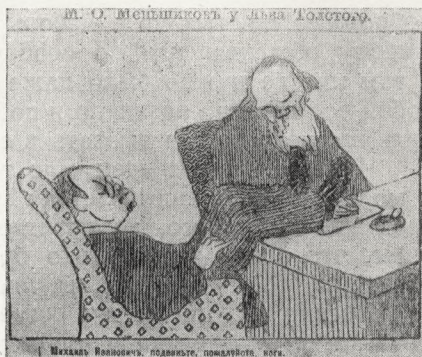
«Когда революционеры ополчаются на правительство, образованное общество может оставаться более или менее равнодушным. Что такое революционеры? В подавляющем большинстве это не слишком внушительный народ... Пока на правительство восстает вот эта слабость, образованный круг может сохранять сочувственный власти нейтралитет... Но дело меняется, когда против правительства выступает великий писатель, каков Лев Толстой, и выступает не против таких-то и таких чиновников, а вообще против учреждения власти, сложившейся в веках, т. е. составляющей факт природы. Тут мы, люди культуры, невольно выходим из своего равнодушия. Здесь перед нами разворачивается зрелище грандиозное, почти трагическое. Здесь каждый должен определенно выяснить — перед совестью своей — на чьей он стороне».

Далее, обращаясь к Толстому, Меньшиков говорит:

«Вы требуете отмены таких-то и таких-то законов, но установления человеческие, столь долговременные и прочие, как собственность, торговля, власть, деньги и пр., вовсе не русские законы и не немецкие, и не французские, а общечеловеческие, обязательные для всех правительств. Вглядитесь в них хорошенько — вы увидите, что это законы самой природы... Лев Толстой требует от власти, чтобы, пока она еще в силах, — поспешила бы уничтожить частную земельную собственность. Этого хочет будто бы весь народ, это будто бы «вечное и справедливое требование всего

М. О. МЕНЬШИКОВ У ТОЛСТОГО

Карикатура из газеты «Столичное
Утро», 1908 г., № 230

народа», это будто бы идеал народный. Говорю «будто бы», потому что в действительности конечно нет ничего подобного... Требуя от правительства, чтобы оно, «пока в силах», отменило частную собственность на землю, Толстой стоит не за народный идеал, а против него. Он подговаривает власть к величайшему насилию, какое мог бы придумать тиран... Выходит, что он осуждает лишь то насилие, которое идет против его идей, а то, которое стоит за его идеи, он признает. Но ведь это то же самое, что признают обыкновенные революционеры. Куда же девалась у Льва Николаевича знаменитая заповедь о непротивлении злу насилием?» (эту часть своей статьи Меньшиков озаглавил: «Подговор к насилию»).

Меньшиков заканчивает свою статью словами обвинения Толстого в том, что он, призывая землевладельцев к отказу от земельной собственности, сам не отказался от нее.

Номер «Нового Времени» с этой статьей Меньшикова был получен в Ясной Поляне 12 августа. Статья вызвала всеобщее возмущение. Так как в статье затрагивался не только Толстой, но и его семейство, Софья Андреевна сейчас же взялась за перо и написала ответ на статью Меньшикова. Со свойственной ей страстностью, С. А. Толстая в самом начале своего ответа писала про Меньшикова: «Уже давно презирая статьи этого ловкого, вечно влиятельного и служащего и нашим и вашим газетного писателя...». Затем было сказано, что «маленькому фарисейскому уму» Меньшикова «не дано понять» Толстого; заканчивалось же письмо словами: «Г. Меньшиков не понимает и того, что, как бы он ни тянул и ни щелкал своими крошечными ядовитыми щипчиками,— он властен затушить перед собой сальную свечу, а не всемирно светящее солнце».

Это письмо С. А. Толстой появилось 17 августа 1908 г. в самой распространенной тогда московской газете «Русское Слово». Оно, конечно, стало известно Толстому. Повидимому, именно потому, что Софья Андреевна написала и напечатала свое резкое письмо, у Толстого явилось желание написать Меньшикову в ином духе, чем это сделала его жена.

Ему захотелось, с одной стороны, указать Меньшикову на безнравственный и вредный характер его статей, а с другой — обратиться к нему не публично, не со словами порицания и осуждения, а один-на-один. И 20 августа он продиктовал мне следующее письмо к Меньшикову:

Михаил Осипович, я прочел вашу статью «Толстой и власть» и, к большой и неожиданной радости моей, не испытал не только неприятного чувства, но, напротив, одно из самых желательных и дорогих мне чувств — не просто доброжелательства, а прямо любви к вам — той самой любви к обижающим, к которой я давно стремлюсь и только изредка испытываю, — то чувство, которое лежит в душе каждого человека и только потому, что оно лежит в душе каждого человека, как высшая истина, открыто, предписано учением Христа. Чувство это — любви без возможности всяких исключений, любви к ненавидящим, обижающим, гонящим, есть то же самое, как и то, которое вызвало во мне не только

доброжелательство, но и любовь к вам. Не знаю почему: по прежнему ли нашему общению или по особенности вашей личности, по отношению к вам мне не нужно было даже вызывать это чувство в себе: оно само собой естественно возникло и побуждает меня сообщить вам о нем и просить вас постараться вызвать в себе то же чувство.

Чувство это, по-моему, до такой степени свойственно человеку, что я могу только удивляться, как могут люди не признавать его и лишать себя этого высшего, не передаваемого словами блага. Для меня ясно тоже, что это — дело только времени, что очень скоро будет казаться странным, что люди, как вы, могут защищать казни.

Письмо это мое к вам остается неизвестным всем моим домашним и друзьям, за исключением помощника моего в письменных работах, которого я просил не говорить о нем. Прошу вас точно так же не показывать этого моего письма и не говорить о нем. Если захотите отвечать мне в том духе, о котором я пишу вам, буду рад.

Любящий вас Лев Толстой

Продиктовав мне это письмо, Толстой сказал, что он не желает, чтобы с этого письма была снята копия в копировальной книге (в то время в Ясной Поляне со всех написанных Толстым писем делались копии с помощью механического пресса). Кроме того, он просил меня от себя приписать Меньшикову, что если он будет ему отвечать, то чтобы он прислал письмо в конверте без печатного адреса «Нового Времени» (чтобы домашние Толстого не обратили внимания на это письмо).

Ответа от Меньшикова не последовало.

Уже после смерти Толстого, в 1911 г., я передал хранившуюся у меня копию этого письма Толстого в архив В. Г. Черткова. В то же время, подготавливая к печати свою книгу «Два года с Л. Н. Толстым», я обратился к Меньшикову с письмом, в котором просил разрешения напечатать в моей книге продиктованное мне письмо к нему Толстого.

Меньшиков ответил мне открыткой, в которой писал, что он не помнит содержания того письма Толстого, о котором я спрашивал. Он прибавлял, что не одобряет обычая — сейчас же после того, как писатель умрет, «тащить в печать» его письма и всякие воспоминания о нем; однако, обещал найти письмо Толстого и вторично написать мне. Но второго письма я от Меньшикова не дождался, почему и не опубликовал в своей книге письма к нему Толстого.

Какова была судьба этого письма, которое Толстой так заботливо оберегал от взоров посторонних, — неизвестно. В архиве Меньшикова, находящемся теперь в Институте русской литературы в Ленинграде, среди целого ряда писем к нему Толстого, этого письма нет.